

ИСТОРИЯ АФРИКИ В БИОГРАФИЯХ. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012, 1112 с.

Описание исторических событий через судьбы принимающих в них участие людей имеет давнюю традицию. Классическим в этом отношении трудом являются “Сравнительные жизнеописания” Плутарха, а для российской истории – костомаровская “Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей”.

Появление в российской исторической науке коллективного труда “История Африки в биографиях”¹, созданной большим авторским коллективом, сплоченным и возглавленным академиком А.Б. Давидсоном, это прорыв в отечественной африканистике. Книга охватывает 164 биографии, распределенные по довольно условным “частям” Африки: 61 биография относится к Южной Африке, 54 – к Западной и Центральной, 49 – к Восточной.

Перед взором читателя проходит целая галерея ярких образов политических и общественных деятелей, писателей, поэтов и философов, причем часто эти “поприща” совмещают одни и те же люди. Наибольшее место в монографии занимают, естественно, биографии политических деятелей. Среди них выделяются жизнеописания лидеров первых независимых африканских государств: Ахмеда Секу Туре (Гвинейская Республика), Леопольда Сенгора (Республика Сенегал), Модибо Кейты (Республика Мали), Патриса Лумумбы (Республика Конго – Республика Заир – Демократическая Республика Конго), Кваме Нкрумы (Республика Гана), Леона Мба (Габонская Республика), Феликса Уфуэ-Буаьи (Республика Берег Слоновой Кости – Республика Кот-д’Ивуар) и многих других. Перед ними стояла масса сложнейших задач: политических, экономических, социальных, культурных, межэтнических и межконфессиональных. Не имея возможности остановиться на всех аспектах многогранной деятельности этих лидеров, позволю себе в этой краткой

рецензии оценить объективность и адекватность оценки российскими составителями данных биографий двух взаимосвязанных и, на мой взгляд, самых важных направлений их политической активности: связь или разрыв с бывшими метрополиями и выбор социально-политического и социально-экономического пути развития в целях преодоления проблем бедности и крайней отсталости.

Материал биографий дает авторам возможность, не руководствуясь заранее выбранной схемой, показать всю сложность подобного выбора, ответственность за который лежала не только на самих “отцах-основателях” независимых африканских государств, но и на их преемниках.

Первый президент Кот-д’Ивуара Феликс Уфуэ-Буаьи, которого советская историография характеризовала не иначе, как “французской марионеткой”, считал “получение африканскими странами политической независимости преждевременным”. Как отмечает И.В. Кривушин, “по его мнению, без подлинного экономического суверенитета она (политическая независимость. – А.Р.) будет только фиктивной” (с. 713). Для обретения этого суверенитета Уфуэ-Буаьи, в отличие от многих других африканских лидеров, взял курс на сотрудничество с Францией и в течение 33 лет оставался главным ее союзником в Африке. Итогом политики рыночного либерализма и использования благоприятной конъюнктуры стало “ивуарийское экономическое чудо”: за 18 лет ВВП вырос в 12 раз, быстро развивалась обрабатывающая промышленность, резко повысился жизненный уровень основной массы населения (с. 714).

Однако набирающее силу огосударствление экономики, крепнувший авторитарный режим и падение мировых цен на экспортные культуры в конце 70-х годов XX в. привели к ухудшению экономического положения (с. 714). Президент бесконтрольно пользовался государственными финансами и всячески удовлетворял свое честолюбие. К концу 80-х годов государство Кот-д’Ивуар фактически обанкротилось, и социальное недовольство

¹ Редколлегия: академик А.Б. Давидсон (отв. редактор), доктора исторических наук А.С. Балезин, С.В. Мазов и Г.В. Цыпкин, кандидаты исторических наук А.В. Воеводский и Н.Г. Щербаков, к.филол.н. Л.А. Карташова.

стало перерастать в политическое. Уфуэ-Буањи заметался, переходя то к частичной либерализации режима, то к новому усилению репрессий. Однако последовавшие за смертью президента в 1993 г. “смутные времена и особенно начавшаяся в 2002 г. гражданская война способствовали значительному улучшению его имиджа среди ивуарийцев, большинство из которых ныне с ностальгией вспоминает о стабильности и процветании в эпоху Уфуэ-Буањи” (с. 716).

По пути, избранному Уфуэ-Буањи, пошел и первый габонский премьер-министр, а затем президент Леон Мба, предлагавший одно время даже превратить Габон в “заморский департамент” Франции (с. 588). В результате он сумел передать свою власть преемнику, Омару Бонго, авторитарный режим которого благодаря экономическому процветанию продержался до 2008 г., когда на место отца заступил сын – Али бен Бонго. Таким образом, дружеские отношения с метрополией и либеральная экономическая политика в случае с богатыми природными ресурсами Кот-д’Ивуаром и Габоном доказали свою хотя бы временную состоятельность.

Но в бедных полезных ископаемыми странах, например Нигере, даже дружба с бывшей метрополией не спасла режимы Амани Диори (с. 493) и Сейни Кунче (с. 568) от жесткого авторитаризма и крайней бедности.

По иному пути развития направили свои страны такие лидеры первых независимых государств, как Ахмед Секу Туре, Кваме Нкрума, Модибо Кейта и даже Патрис Лумумба. Всеми ими владело “революционное нетерпение”, стремление как можно быстрее подкрепить уже провозглашенную независимость прочным экономическим фундаментом. Сделать это они намеревались собственными силами, без существенной помощи со стороны “белых” и прежде всего только что ушедших колонизаторов.

Конечно, и тут были отступления. Модибо Кейта, например, сотрудничал с США и Израилем, в феврале 1962 г. подписал с Францией договор об экономическом, финансовом и культурном сотрудничестве, а когда усугубились экономические трудности, в феврале 1967 г., вернул страну в зону франка и пошел на серьезные финансовые уступки Парижу и МВФ (с. 538). Кваме Нкрума заключил с СССР выгодные соглашения о торговле и экономическом сотрудничестве, получил солидные кредиты и в то же время добился от США финансирования строительства гидроэнергетического комплекса на реке Вольта (с. 620).

Однако не только внешнеэкономические интересы определяли выбор этими лидерами

внутриполитического пути развития. Советский Союз стал для них в начале 1960-х годов эталоном государственного социализма. Выбор социалистической модели развития в этих странах определялся наличием сепаратизма и трайбализма, усмирить которые, как полагали их вожди, можно было значительно более эффективно, опираясь на мобилизационную экономику и созданный на ее основе мощный репрессивный аппарат. Венцом таких “социалистических” авторитарных и тоталитарных режимов в Гвинее стало партия-государство Ахмеда Секу Туре.

Статья о нем, на наш взгляд – одна из самых ярких. В.И. Евсеев на 15 страницах удалось проследить превращение инициатора создания первых профессиональных организаций африканских трудящихся в жестокого тирана, которого “узник совести” Махмуд Ба назвал “стратегом сатанинской политики” и “гвинейским гитлеренком” (с. 708). За время правления Секу Туре одна из наиболее развитых и первая из французских колоний, провозгласившая независимость еще 2 октября 1958 г. (в то время как основная масса французских колоний объявила о независимости только в 1960 г.), копируя советскую модель развития, стала страной, в которой «из арсенала большевиков была задействована диктатура одной правящей партии... Гвинея не обошлась без насильственной коллективизации сельского хозяйства и превращения сельских тружеников в государственных крепостных. Применение репрессий как метода устрашения тоже стало обыденным явлением внутривнутриполитической жизни... Роль зловещных “черных воронок” выполняли три окрашенные в военный камуфляжный цвет грузовика, регулярно под покровом ночи вывозившие из городских кварталов очередных арестованных. В Гвинейской республике имелся свой ГУЛАГ, цитаделью которого считался военный лагерь “Буаро” в Конакри» (с. 699–700).

Недалеко от Гвинеи времен “социалистического” эксперимента ушло и Мали периода правления Модибо Кейты. И.В. Кривушин убедительно показывает, как “курс на внедрение социалистических начал в экономику, прежде всего в сельское хозяйство и торговлю” (с. 538), приводит к «сплошной чистке государственных и партийных органов по примеру “культурной революции” в Китае» (с. 539), тяжелейшему экономическому кризису, всеобщему недовольству населения и, наконец, свержению Кейты 19 ноября 1968 г. (с. 540).

С почти беллетристической выразительностью С.В. Мазов прослеживает превращение скромного учителя Кваме Нкрумы в студента

Университета Линкольна и Пенсильванского университета в США, затем в популярного политического деятеля, с почтением относившегося к народным традициям: выиграв выборы еще в колониальный парламент в 1951 г., он не побрезговал публично на стадионе семь раз окунуть обнаженные ноги в кровь овцы (с. 617); потом в премьер-министра и президента первого суверенного государства в Тропической Африке – Ганы – и, наконец, в авторитарно-тоталитарного лидера. На примере Ганы С.В. Мазов перечисляет те недуги, которыми страдали даже относительно “благополучные” африканские страны, оказавшиеся на периферии капиталистической системы: уязвимость к колебаниям мирового рынка, отсутствие обрабатывающей промышленности, слабая взаимосвязанность секторов экономики, ограниченные возможности государственного регулирования. К выбору социалистического пути развития Кваме Нкрума, как и многие другие африканские политические деятели, пишет С.В. Мазов, относился утилитарно (с. 618).

Приняв в 1962 г. программу правящей Народной партии конвента, в которой “строительство социализма объявлялось конечной целью” (с. 618), Кваме Нкрума уже в 1964 г. законодательно ввел однопартийную систему и “был провозглашен пожизненным президентом”. Дальше все покатилось по накатанной плоскости: «Партийные ячейки создавались даже среди верующих в церквях. Народная Партия Конгресса была аморфным образованием, куда входило 2 млн человек из семимиллионного населения Ганы... Он [Нкрума] принял титул “Осаджиефо” (Герой и воин), в Гане в изобилии появились его статуи, он смотрел с монет, марок, многочисленных портретов. Его именем назывались площади и фабрики, корабли и институты. В честь его слагались поэмы и песни» (с. 620). Все это позволяет говорить о превращении Ганы при Нкруме в полутоталитарное государство. Результатом стало несколько покушений и отстранение Нкрумы от власти во время визита в Пекин 24 февраля 1966 г. Конец режима “Героя и воина” описан особенно выразительно: “Демонстранты сбрасывали с пьедестала статуи Кваме Нкрумы, срывали его портреты. Бывшая местом массового паломничества хижина в Нкрофуле, где он родился, была снесена бульдозером. Многие соратники и друзья отреагировали от него, называя тираном и бездарным политиком” (с. 621).

К сожалению, наряду с этими и подобными им яркими и правдивыми биографиями – Сесила Родса (Капская колония в Южной Африке), Мэнгисту Хайле Мариам (Федеративная

Демократическая Республика Эфиопия), Бенджамина Ннамди Азикве (Федеративная Республика Нигерия), Одумегву Оджукву (сампровозглашенная Республика Биафра); Суру Миган Апити, Юбера Маги (оба – Республика Дагомея – Республика Бенин), Жана-Бедея Бокассы (Центральноафриканская Республика – Центральноафриканская империя), Мариана Нгуаби, Тома Санкары, Мориса Ямеого (все – Республика Верхняя Вольты – Республика Буркина-Фасо), Франсуа Томбалба (Республика Чад), Этхена Эйадемы (Тоголезская Республика), Нельсона Манделы, Джейкоба Зумы, Питера Боты, Фредерика де Клерка, Табо Мбеки (все – Южно-Африканская Республика), Джомо Кениата, Дениеля арап Мои (оба – Республика Кения), Сэма Нуйомы (Республика Намибия), Иди Амина, Йовери Мусевени (оба – Республика Уганда), Джулиуса Ньерере (Объединенная Республика Танзания), Сэмюэля Доу, Уильяма Табмена (Республика Либерия), Джерри Ролингса (Республика Гана), Фоде Санко, Сиакки Стивенса (оба – Республика Сьерра-Леоне), Хендрика Фервурда (Южно-Африканский Союз – Южно-Африканская Республика), Паулуса Крюгера (Южно-Африканская Республика /Трансвааль/), Даниеля Малана, Яна Смэтса (оба – Южно-Африканский Союз), Роберта Мугабе, Яна Смиты (оба – Южная Родезия – Республика Зимбабве), Жонаса Савимби (Республика Ангола), Сиада Барре (Республика Сомали – Сомалийская Демократическая Республика – Федеративная Республика Сомали) – свободными от тенденциозной лакировки или грубой дискредитации, характерных для советского времени, в книге обнаруживается несколько жизнеописаний, выполненных в прежнем идеологизированном духе эпохи биполярного противостояния.

Деление на “своих” и “чужих” четко прослеживается при изложении А.М. Хазановым биографии Агостиньо Нето и событий в Анголе в 1970–1980-е годы. “Светлый путь” приводит Нето на I Съезд Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) в 1977 г., на котором МПЛА переименовывается в МПЛА – Партия труда, а в резолюции съезда записано: “Социалистический путь – единственный путь, который может привести нас к полной независимости”. Далее автор цитирует доклад Агостиньо Нето с вполне советскими формулировками: “Рабочий класс осуществляет свое политическое господство с помощью партии. Партия – ориентирующая, направляющая и организующая сила, ядро власти” (с. 278). Герой вполне логично становится председателем этой партии, и его заслуги оцениваются Ленинской премией “За укрепление мира между

народами”. А.М. Хазанов сообщает о заключении в октябре 1976 г. договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и НРА (с. 278–279), но умалчивает о том, что этот договор означал включение Анголы в советскую зону влияния в Африке. “Выдающиеся качества А. Нето как талантливого государственного деятеля и дипломата... ярко проявились в суровые месяцы иностранной вооруженной интервенции против молодой независимой республики... Народные вооруженные силы, опираясь на помощь Советского Союза и Кубы, отстаивали независимость Анголы, и страна стала на путь политических, социально-экономических и культурных преобразований” (с. 278). Это – единственно место в статье, где косвенно указывается на то, что Ангола попала в тиски биполярного мира и что СССР оказывал активную поддержку МПЛА. Вместо того, чтобы хотя бы упомянуть о том, что режиму Нето противостояла значительная часть Анголы, прежде всего овимбунду, “самая многочисленная этническая группа в Анголе” (с. 321), возглавляемая партией Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА), А.М. Хазанов говорит об “иностранной интервенции”. Естественно, он имеет в виду войска ЮАР, но почему тогда он не называет “интервентами” кубинцев, вполне успешно воевавших в Анголе на стороне МПЛА?

Несколько более объективно написана А.М. Хазановым статья о наследнике Нето – Жозе Эдуарду душ Сантуше. Впрочем, не вполне понятно, как после такой самоотверженной и успешной деятельности Нето “Сантушу досталась от своего предшественника тяжелое наследство” (с. 332). В этой статье А.М. Хазанов говорит уже не об “интервенции”, а о “гражданской войне” между МПЛА, Национальным фронтом освобождения Анголы и УНИТА. В данном случае термин “интервенция” автором вообще не употребляется. Он пишет, что “вооруженным силам ЮАР сов-

местно с отрядами УНИТА” в 1987–1988 гг. противостояли “части ангольской армии при поддержке кубинцев и советских военных советников” (с. 321).

О произошедших в Анголе политических переменах в 1991–1993 гг. стыдливо говорится, что они стали “отражением изменившихся к тому времени мировых реалий” (с. 334), а не результатом прекращения военной и финансово-экономической поддержки со стороны России. Иными словами, автор в статье о душ Сантуше использует “фигуры умолчания” – признак явного нежелания называть произошедшие процессы своими настоящими именами.

Односторонняя интерпретация материала также характерна для статей о Патрисе Лумумбе, Жозефе Касавубу, Моизе Чомбе, написанных Ю.Н. Винокуровым (с. 526–531, 574–580, 726–732).

Однако речь идет лишь о редких исключениях в этом очень содержательном и концептуально насыщенном коллективном труде ведущих российских африканистов. В целом отечественную историческую науку можно смело поздравить с появлением такой фундаментальной работы, дающей объективную и многоплановую картину истории Африки, в основном XX в.

Во введении к рецензируемому исследованию А.Б. Давидсон, цитируя Томаса Карлейля, пишет: “Хорошо написанная биография – такая же редкость, как и хорошо прожитая жизнь” (с. 12). Подводя итог, можно с полным основанием сказать, что в целом и книга, и жизнь главы редакционной коллегии вполне удалась.

А.Л. Рябинин,

доктор исторических наук, профессор,
завкафедрой Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”

F. Amatori, A. Colli. BUSINESS HISTORY: COMPLEXITIES AND COMPARISONS. New York – London: Routledge, 2011, IX, 262 p.

Ф. Аматори, А. Колли. ИСТОРИЯ БИЗНЕСА: ПРОБЛЕМЫ И СОПОСТАВЛЕНИЕ. Нью-Йорк – Лондон, 2011, IX, 262 с.

Рецензируемая книга итальянских историков экономики и бизнеса – профессоров Университета Боккони (Милан) Ф. Аматори и А. Колли посвящена развитию бизнеса как частной экономической деятельности в тех странах Европы, Америки и Азии, где она стала динамичным фактором их развития. На

протяжении веков бизнес приобрел характерные черты и особенности – как общие, так и национальные. Хронологические рамки работы – от доиндустриальной экономики Средневековья до глобализации в конце XX – начале XXI в. В центре внимания – бизнес индустриальной эпохи и в период перехода к постин-